

© 2014 г.

А.И. КУЗНЕЦОВ

“ЗАСИЛЬЕ” ИНОСТРАНЦЕВ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Вопрос о личном составе дипломатической службы старой России до сравнительно недавнего времени не привлекал внимания отечественных историков. Лишь в последние два десятилетия, на фоне общего антропологического сдвига в исторической науке и переосмысления сложившихся в советское время представлений о дореволюционной России этот вопрос начал вызывать научный интерес. Между тем он представляется важным для понимания не только природы государственного устройства Российской империи и ее внешнеполитического аппарата, но и перемен в ее политической культуре и общественных настроениях, резко ускорившихся в пореформенный период.

В публикациях русской прессы второй половины XIX – начала XX в., затрагивавших деятельность министерства иностранных дел, едва ли не главной мишенью критики в его адрес был этнический состав центрального аппарата и заграничных учреждений МИД. Примечательно, что авторами подобных публикаций были, как правило, не противники, а наоборот, сторонники существующего строя, ратовавшие за укрепление его “национальных устоев”. Один из наиболее яростных критиков “иностранного засилья” С.С. Татищев, сам в прошлом дипломат, утверждал, что в начале царствования императора Николая I лица нерусского происхождения составляли 68%, а к концу царствования – 81% дипломатических кадров¹. На этом основании он обвинял МИД в “систематическом отчуждении в руки иностранных наемщиков одной из важнейших функций правительства, в ущерб и, даже более, в совершенное устранение русских дипломатов”. Нигде в мире, по его словам, “не существовало подобной экстерриториальной дипломатии, чуждой стране, которой она считалась представителем, не исповедующей ее веры, не понимающей ее языка и полной презрения к основным принципам ее национального существования”².

С подобными же обвинениями в адрес МИД неоднократно выступали суворинское “Новое время” и различные издания черносотенного толка. Подобная критика достигла своего апогея во время Первой мировой войны, когда “немцеедство” захлестнуло не только общественные круги, но и Государственную Думу, где тема “немецкого засилья” стала предметом специального разбирательства. В целом за последние полвека существования Российской империи вокруг этой темы сложилась определенная мифология,

Кузнецов Александр Игоревич – Чрезвычайный и Полномочный Посол, кандидат исторических наук.

¹ *Емец В.А.* Министерство иностранных дел Российской Империи. – *Международная жизнь*, 2000, № 11. с. 79.

² *Новое время*, 1893 (вырезка из досье Департамента личного состава и хозяйственных дел (далее – ДЛС и ХД МИД), Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), оп. 731, д. 27, л. 14–19).

которая сыграла не последнюю роль в подрыве авторитета монархии. Трафаретный образ царского дипломата как немецкого барона с моноклем в глазу, едва говорящего по-русски и чуждого национальным интересам страны, которую он представляет за границей, укоренился в общественном сознании как устойчивый стереотип восприятия дипломатической службы в целом.

Возникает вопрос, в какой мере этот стереотип соответствовал действительности, а главное – какое отношение этнический состав российской дипломатической службы имел к содержанию и качеству ее деятельности.

Прежде всего следует отметить, что разоблачители “иностранныго засилья” никогда не утруждали себя объективным анализом этого явления. Цифры, приводимые С.С. Та-тищевым, основываются исключительно на вычислении процента “лиц с нерусскими фамилиями” на дипломатической службе. Этот процент был действительно высоким. Таким он оставался даже в самом конце существования империи, в разгар первой мировой войны, когда неприязнь ко всему немецкому в России была особенно сильна. Согласно справке Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД, по состоянию на 1 февраля 1917 года из 636 чиновников, состоявших на действительной службе в МИД и за границей, “лиц с немецкими фамилиями” насчитывалось 105, т.е. одна шестая часть³. При этом не учитывались лица, сменившие фамилию во время войны с Германией.

Однако и эти вполне достоверные цифры сами по себе ничего не доказывают. В частности, сами по себе они не отражают пестроту этнического состава российской дипломатической службы. А ведь на ней находились не только остзейские немцы – выходцы из прибалтийских губерний, чье присутствие в МИД действительно было весьма значительным и непропорциональным по отношению к численности немецкого населения этих областей. К “лицам с нерусскими фамилиями” принадлежали и совершенно другие по воспитанию и происхождению обрусевшие немцы, – как правило, дети петербургских чиновников, живших в России на протяжении нескольких поколений, а также потомки французов, швейцарцев, греков, шведов и представителей других национальностей. Вычислить, какой процент составляла каждая из них, сегодня весьма затруднительно, так как немалая часть послужных списков сотрудников МИД XIX – начала XX в., к сожалению, утрачена. Да и есть ли смысл в таких вычислениях, если учесть тот очевидный факт, что национальное происхождение дипломата само по себе едва ли может пролить свет на его личные качества и соответствие его деятельности национальным интересам страны?

Привлечение образованных и политически лояльных иностранцев на дипломатическую службу было давней традицией российского государства. Но такая традиция существовала и в других европейских странах. Вплоть до Первой мировой войны в Европе был распространен тип “дипломата-кондотьера”, который, как писал русский дипломат Ю.Я. Соловьёв, мог бы, подобно своим средневековым предшественникам – предводителям отрядов наемников в Италии XIV–XV вв. – “в условиях космополитической европейской дипломатической службы представлять любую страну”⁴.

В условиях монархической Европы дипломаты иностранного происхождения, присягнувшие на верность новому государю, не были чем-то инородным ни в европейском дипломатическом мире, ни на российской государственной службе. Напротив, их присутствие вполне соответствовало наднациональной природе Российской империи, тем более что сознание самого русского дворянства, по крайней мере до середины XIX в., связывалось в большей мере с европейской, чем с национальной культурой.

Другое важное обстоятельство заключается в том, что в дореформенной России, да и во многом в последующий период государственная и особенно дипломатическая служба воспринимались как служение лично императору, а не российскому государству. Так

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. ДЛС и ХД, оп. 731, д. 49, л. 66.

⁴ Соловьёв Ю.Я. Воспоминания дипломата. М., 1959, с. 70.

было практически во всех монархических государствах Европы, где, по замечанию историка дипломатии Г. Никольсона, “в течение всего XVIII века, а фактически до 1918 г. продолжала существовать теория, что дипломатия некоторым образом отождествлялась с личностью царствующего монарха”⁵.

Одной из первых обязанностей чиновника, принятого на службу в МИД Российской империи, было “клятвенное обещание”, текст которого оставался неизменным с XVIII в. вплоть до февральской революции 1917 г. В нем находила выражение суть официального понимания смысла государственной службы. Чиновник присягал на верность не России, а лично двум конкретным лицам – императору и его наследнику. При вступлении на престол нового государя “клятвенное обещание” давалось заново. Что касается гарантий соблюдения присяги, то она апеллировала не столько к закону или патриотическим чувствам присягающего, сколько к его религиозному долгу⁶.

Хотя в конце XIX – начале XX в. эта, по сути, феодальная клятва воспринималась как формальная дань традиции, на деле весь строй российской государственной службы соответствовал заложенному в ней принципу личного служения монарху. Он пронизывал всю систему чиновничества, продвижения по службе и других поощрений и наград. Личный характер дипломатической службы наложил глубокий “системный” отпечаток на ее организацию и кадровую политику. Им был во многом обусловлен и этнический состав этой службы. Ставя во главу угла принцип личной преданности императору, самодержавная власть смотрела на национальность чиновника как на нечто второстепенное и малосущественное. По оценке британского историка Дж. Хоскинга, “русское национальное самосознание растворялось в российском имперском сознании, ценности которого в принципе были многонациональными”⁷.

Личный характер службы сказывался на понимании дипломатами смысла своей деятельности, их политическом мышлении и профессиональной культуре. В имперском сознании понятия “Государь” и “Россия” как бы сливались в одно целое, согласно абсолютистскому принципу “государство – это я”. В воспоминаниях министра иностранных дел А.М. Горчакова, записанных с его слов, говорится о том, что он первый в своих депешах стал употреблять выражение “Государь и Россия”. «До меня, – говорил он, – для Европы не существовало другого понятия по отношению к нашему отечеству, как только “император”. Граф Нессельроде даже прямо мне говорил с укоризной, для чего я это так делаю. “Мы знаем только одного царя, говорил мой предместник: нам дела нет до России”»⁸.

В течение второй половины XIX в. два понятия – Государь и Россия – еще сосуществуют в относительной гармонии. Но в период последнего царствования они все дальше расходятся. Русские послы по-прежнему именуется “представителями Особы Его Императорского Величества”, но свою деятельность они уже связывают со служением российскому государству, а не лично императору. Незадолго до крушения монархии царский дипломат князь Л.В. Урусов писал в своем дневнике: “До сих пор были Государь и Россия, а отныне – и за это идет борьба – Россия и Государь”⁹. О переменах в сознании дипломатов свидетельствуют равнодушие, которое проявили сотрудники МИД – казалось бы, самого “монархического” из государственных ведомств России – к судьбе Николая II после его отречения и почти безоговорочное принятие ими новой власти в лице Временного правительства.

Критика “иностранного засилья”, таким образом, была одним из внешних проявлений глубинных сдвигов, которые происходили в русском общественном сознании. В начале XIX в. преобладание “лиц нерусской национальности” на дипломатической службе не вызывало заметного протеста. Однако в пореформенной России на фоне

⁵ Никольсон Г. Дипломатия. М., 1941, с. 46.

⁶ АВПРИ, ф. ДЛС и ХД “Исполнительное отделение”, 1 стол, оп. 749/1, д. 1080, л. 28.

⁷ Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. Смоленск, 2000, с. 57.

⁸ Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998, с. 385.

⁹ АВПРИ, личный архив Урусова, оп. 786, 1914–1917, д. 1, л. 285.

роста националистических тенденций в общественном мнении, да и в политике самого царского правительства, непропорционально высокий процент “инородцев” на дипломатической службе начал восприниматься как противоестественный анахронизм. К тому же в условиях цензуры возмущение “иностранным засильем” под благовидным предлогом оскорбленного патриотического чувства было удобной формой выражения недовольства высшей властью.

Критика в адрес МИД стала звучать еще в период реформ Александра II. В 1867 г., отвечая на одну из жалоб, Горчаков в докладной записке императору писал: “Признавая до некоторой степени основательность этого довода (о необходимости для России иметь представителей за границей русских по вере и по имени. — *А.К.*), Министерство иностранных дел желало бы иметь как можно больше чисто русских имен между своими заграничными чиновниками и к этому стремится, но было бы несправедливо и даже невозможно отстранить с этого поприща тех иноверцев и носящих иностранные фамилии, которые давно уже честно и с пользой служат этому делу”. Александр II начертил на докладе резолюцию: “Совершенно разделяю ваш взгляд”¹⁰.

Следует признать, что такой взгляд был вполне обоснован. Протесты против “иностранного засилья” били мимо цели. Нет оснований считать, что дипломаты иностранного происхождения не были русскими патриотами или уступали другим в профессиональном отношении. Успех внешней политики России не зависел от национального состава чиновников внешнеполитического ведомства. Например, период первой четверти XIX в., т.е. именно тот, когда ключевую роль на русской дипломатической службе играли иностранцы — И.А. Каподистрия, Х.А. Ливен, К.А. Поццо-ди-Борго, М. и Д. Алопеусы и др., — был едва ли не одним из самых блестящих в истории отечественной дипломатии.

Более того, пресловутое “иностранное засилье” имело место и на военной службе. По данным С.В. Волкова, во второй половине XVIII — первой половине XIX в., т.е. в период наивысших успехов русского оружия доля дворян немецкого, прежде всего прибалтийского происхождения среди командного состава никогда не опускалась ниже трети, а временами доходила до половины¹¹. Однако никому не приходило в голову обвинять офицеров-остзейцев в недостатке патриотизма. А между тем речь идет о тех же Бенкендорфах, Мейендорфах, Врангелях, Ливенах, Паленах, Келлерах и др., которые из поколения в поколение поставляли русскому царю верных слуг на военном и дипломатическом поприщах. Например, отец одного из крупных дипломатов конца XIX — начала XX в., посла в Берлине графа Н.Д. Остен-Сакена был героем обороны Севастополя; дед погиб в одном из сражений с войсками Наполеона, а брат деда был военным губернатором Парижа после его взятия русскими войсками¹².

Британский историк А. Тойнби, интересовавшийся феноменом остзейского дворянства, был знаком с одним из его представителей — членом семейства баронов Мейендорфов — и так определял наиболее типичные черты этого сословия: “В отличие от русского дворянства и буржуазии XIX века, чья европеизация была все еще поверхностна, балтийское немецкое дворянство и буржуазия были европейцами в полном смысле слова, и западная цивилизация в этих областях охватывала не только верхние слои общества, но и проникала также и в крестьянство... Обладание признаками западной культуры... высоко ценилось в России XIX века, и это открывало балтийским баронам непропорционально широкий — в сравнении с их численностью — доступ к высоким государственным постам. Это делало немцев не слишком популярными среди русских собратьев-аристократов. Но вместе с тем более высокий уровень образованности делал их очень полезными для эффективного функционирования административного аппарата

¹⁰ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 108, л. 53–56.

¹¹ Волков С.В. Исторический опыт Российской Империи. В сборнике статей Преемственность и возрождение России. М., 2001, с. 133.

¹² Baron de Schelking. The Game of Diplomacy. London, 1918, p. 186.

Российской империи; а непопулярность смягчалась полуассимиляцией к русскому образу жизни”¹³.

Что касается такого общепризнанного качества прибалтийского дворянства, как его преданность императору, то оно имело, среди прочего, социальные корни. Дж. Хоскинг объясняет его тем, что, “проживая среди враждебно настроенных эстонских и латышских крестьян, прибалтийские немцы при другом правителе вряд ли могли рассчитывать на сохранение не только привилегий, но и самих поместий”¹⁴.

Раздражение по поводу “иностранного засилья” порой высказывалось самими дипломатами, но не находило сочувствия у руководства МИД. Примером может служить свидетельство И.Я. Коростовца, служившего секретарем русской миссии в Португалии в первые годы XX в. Во время встречи с министром иностранных дел графом В.Н. Ламздорфом он докладывал о недовольстве дипломатов союзной Франции и собственном недоумении по поводу того, что при отъезде из Лиссабона он должен был передать ключи и секретные шифры своему преемнику – секретарю русского посольства в Париже князю Радзивиллу. В тот момент последний не только не успел еще перейти в русское подданство, но и явился в миссию в мундире офицера прусского уланского полка. Позабавившись этой историей, министр, тем не менее, заявил, что “придирка неуместна”, поскольку “князь Радзивилл выбран Государем” и к тому же принадлежит к старинному роду, представители которого проживают не только в Германии, но и в Польше и России. Что же касается французов, заметил он, то “едва ли они бы предпочли, чтобы мы назначили в Париж неизвестного семинариста”¹⁵. (Как выяснилось, поступление на русскую службу понадобилось Радзивиллу, чтобы унаследовать имение одной из его родственниц в России.)

Русские дипломаты, разумеется, не могли не видеть углубляющегося разлада между укоренившимися традициями самодержавной России и общественным мнением страны. Характерное замечание оставил в своем дневнике князь Л.В. Урусов, реагируя на развернувшуюся в стране после начала мировой войны кампанию против “остзейских баронов”: “Прибалтийские немцы заняли слишком удобную позицию, чтобы их можно было оттуда выбить – они верноподданные, и в этом их сила. Идея монархизма не может найти более стойких и убежденных сторонников. Правда, за тронем они не видят России... И насколько барон в придворном мундире хорош и на месте в Зимнем дворце – настолько же этот барон является чуждым элементом на всем пространстве России. Но этот основной недостаток их не всем виден и наименее виден власть имущим, которые ценят и воспитание на заграничный манер, и аристократизм большинства баронов, и их преданность царю”¹⁶.

Однако в целом в дипломатической среде, спаянной корпоративной солидарностью, антагонизм между чиновниками различных национальностей, если и существовал, то никогда не выходил на поверхность. Руководство МИД категорически отвергало обвинения в том, что присутствие лиц нерусского происхождения на дипломатической службе Российской империи свидетельствовало будто бы о недостаточно “национальном” характере ее внешней политики. Нападки со стороны прессы оно было склонно приписывать неразвитости общественного мнения во внешнеполитических вопросах. Одна из попыток ответить на эти нападки была предпринята в 1904 году в открытом письме директора Азиатского департамента МИД Н.Г. Гартвига известному и многоопытному дипломату И.А. Зиновьеву. Откликаясь на это письмо, другой дипломат А.В. Неклюдов писал Гартвигу, что “тяжба” против дипломатии имеет “историческое обоснование и завязалась в то время, когда внешняя политика России еще не освободилась от одностороннего направления, данного ей в первой половине XIX столетия”. Между тем, подчеркивал он, такой внешней политики уже давно не существует. “Иностранная полити-

¹³ Тойнби А. Дж. Пережитое. Мои встречи. М., 2003, с. 488.

¹⁴ Хоскинг Дж. Указ. соч., 2000, с. 173.

¹⁵ АВПРИ, личный архив И.Я. Коростовца, оп. 839, д. 3, л. 190–191, 193.

¹⁶ АВПРИ, личный архив Л.В. Урусова, оп. 786, 1914–1917 гг., д. 1. л. 98.

ка наша, отрешаясь все более и более от всяких наносных предубеждений и окаменелых принципов, сделалась настолько национальной, насколько направление это применимо к обыденным международным отношениям. Но если в ней и чувствуется по временам и разлад, и недомогание, то эти явления коренятся в том общем государственном разладе и недомогании, коего мы все, увы, состоим грустными свидетелями и невольными участниками”.

С горечью говоря о своей принадлежности к “ошельмованному цеху русских дипломатов”, Неклюдов сетовал на непонимание общественностью самой сути дипломатической деятельности. «Я уверен, например, что в настоящую минуту существуют люди, и люди неглупые, искренне верующие, что самой войны с Японией не было бы, если бы только не наши “дипломаты”», которые все испортили и без которых русское знамя давно развевалось бы и в Корее, и на берегах Персидского залива, и в Царьграде, — и при том без всякой войны, без всякого потрясения и жертв, а в силу одного воздействия “твердой национальной политики” и решимости “показать кулак” всякому, кто нашим вождениям противопоставляет свои»¹⁷.

Даже в период Первой мировой войны руководство МИД твердо противостояло “немцедействию” националистических элементов в прессе и Государственной Думе и, как могло, отстаивало достоинство чиновников, подвергавшихся травле за их немецкое происхождение¹⁸.

Подводя итог, можно сделать вывод, что космополитический облик дипломатической службы был естественным и органичным для государственной системы царской России. У каждой исторической эпохи есть свой стиль. Дипломаты нерусского происхождения отвечали стилю наднациональной Российской империи в той же мере, как европейский архитектурный облик Петербурга. Критика “иностранныго засилья” была одним из проявлений начавшейся ломки этого традиционного уклада. Да и сами дипломатические службы находились в переходном состоянии — и не только в России, но и в других странах Европы, застрявшей, по выражению британского историка Д. Ливена, “между старой абсолютистской эпохой и новыми временами, когда общественные силы начинали вторгаться в заповедный мир королей и дипломатов”¹⁹. Этот мир ушел в прошлое с Первой мировой войной. После происшедшей затем революции дальнейшая история российской дипломатической службы начиналась едва ли не с чистого листа.

¹⁷ АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, оп. 481, 1904, д. 227, л. 15об.—16об.

¹⁸ Михайловский Г.Н. Записки. М., 1993, кн.1, с. 54–56.

¹⁹ Lieven D.C. Russia and the Origins of the First World War. London, 1983, p. 64.